

Виктория Шнайдер
Екатерина Мелкова

Мужик,
который
спас меня

Екатерина Мелкова

Мужик, который спас меня

«Автор»

«Автор»

2026

Мелкова Е.

Мужик, который спас меня / Е. Мелкова — «Автор», «Автор»,
2026

Что делает столичный шеф-повар на дикой кавказской реке? Ульяна приехала за форелью для главного гастрономического форума, а оказалась в ледяном водовороте. Её спасает суровый Глеб Самойлов — хозяин «Горной заводи». Вместе они встают против браконьеров и коррупции, защищая реку, рыбу и будущее. Это роман о смертельной опасности, доверии и любви, ради которой настоящий мужчина готов на всё. Победа в Москве уже близко — но главный приз не кубок, а сердце того, кто спас тебя.

© Мелкова Е., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Виктория Шнайдер

Мужик, который спас меня

Мужик, который спас меня

Виктория Шнайдер

Екатерина Мелкова

Глава 1

Я ударила по тормозу. Арендованный корейский кроссовер скользнул по гравию над обрывом, захлебнулся и затих. Дворники замерли на середине стекла, оставив веера от мокрой ледяной крупы. В салоне пахло остывшим кофе и городским комфортом, но стоило мне приоткрыть тяжелую дверцу, как внутрь ворвался Кавказ — сырой, пахнущий размолотым сланцем, прелой хвоей и диким, колючим озоном.

Внизу в каменном желобе ущелья ревела река Белая.

Сверху она казалась расплавленным бирюзовым стеклом, которое кто-то взбивал в бешеную пену. Ранняя весна растопила снег на перевалах: паводок наливался сокрушительной, тяжелой мощью. Вода перла мутными валами, перекачивая по дну полутонные валуны — их глухой, утробный грохот вибрировал даже сквозь толстые подошвы моих городских ботинок.

А на излучине, прижавшись к отвесной гранитной скале, раскачивался на волнах садковый комплекс «Горная заводь». Черные цилиндрические поплавки, стянутые стальными швеллерами, мостки, натянутые капроновые дели и серебристые всплески. Мое сырье. Моя форель для финала Всероссийского гастрономического форума в Москве. Контракт всей моей профессиональной карьеры, ради которого я бросила душную кухню столичного ресторана «Вершина» и помчалась на край страны, рискуя шефским именем и деньгами инвесторов.

Деревянная лестница на крутом откосе вела вниз к причалу. Ступени блестели от налипшей ледяной каши. Я подхватила металлический кейс с ножами и сумку с лабораторными тестерами и шагнула на настил. Сосновая доска под каблуком предательски хрустнула.

В следующую секунду дерево с сухим треском обломилось, нога соскользнула над трехметровым каменистым откосом, но когда пожилой моторист в брезентовой робе метнулся поддержать меня под локоть с жалостливой ухмылкой, сработал мой выработанная годами на тесной кухне привычка сразу искать опору.

Я резко скрутила корпус, уходя от чужой руки, спружинила на носках и спрыгнула с нижней уцелевшей ступени прямо на дощатый настил пирса. Дерево гулко ухнуло под ногами, кейс звякнул замками.

— Спасибо, стоять умею, — отчеканила я ровным, командным тоном, которым я в Москве останавливала перепалку на раздаче. — Где Самойлов? У меня сорок минут на забор контрольных проб.

Моторист опешил, медленно вынул незажженную трубку изо рта, моргнул выцветшими водянистыми глазами и махнул рукой в сторону бревенчатой мастерской под скалой. На третьем шаге я услышала стук сапог: из мастерской вышел хозяин хозяйства.

Глеб Самойлов был сухой гранитной глыбой. Неопреновый комбинезон подводника был растегнут на груди, открывая серый вылинявший термолонгслив, обтянувший широченные плечи и рельефные ключицы. Мокрые темно-русые волосы падали на высокий лоб, резкие скулы покрывала трехдневная щетина, а в тяжелой ручище он небрежно держал накидной ключ на тридцать два. Его серые, колючие глаза окинули мое кашемировое пальто и тонкие городские перчатки с неприкрытой мужской насмешкой.

— Река Белая смывает столичный лоск за три секунды, барышня, — уронил он густым, бархатистым басом, от вибрации которого внутри прошел жар по коже. — Разворачивайте машину и гоните в Майкоп, пока серпантин на третьем километре не поплыл. Здесь вам не ресторан.

— Я приехала не за лоском, а за лучшей рыбой страны, Самойлов. И решать, когда мне уезжать, буду я.

— Здесь действующее хозяйство, — он перегородил трап широким плечом, глядя на меня сверху вниз с холодным прищуром. — Течение четыре узла. Это вам не фотозона для социальных сетей. Назад к машине.

Вместо ответа я опустила кейс на штабель сухих сосновых брусьев и раскрыла сумку с приборами:

— Портативный рефрактометр. Оксиметр Hanna HI-98193 с выносным гальваническим датчиком. Титановый батометр Руттнера для забора проб с пяти метров. Плотность посадки в садках — не выше пятнадцати килограммов на куб, кислород — строго от девяти миллиграммов на литр, проточность — полтора метра в секунду. Откройте линию, Глеб Николаевич. Или признайтесь, что боитесь честного лабораторного аудита.

Самойлов медленно выпрямился. Снисходительная усмешка сползла с его лица, уступив место жесткому профессиональному интересу. Он задержал взгляд на приборах и протянул ладонь к оксиметру.

Радиостанция у него на разгрузочном ремне взорвалась истошным треском гидропоста:

— Самойлов! Самойлов, прием! Выше по каньону размыло старую лесовозную дамбу! Паводковый вал с бревнами пойдет через двенадцать минут! Срывай людей с мостков!

Пальцы Глеба стальными клещами сомкнулись на моем предплечье, разворачивая к подъему:

— В машину, быстро! Вал срежет настилы к чертовой матери!

— Пусти! — я с силой выдернула руку, подхватила батометр с кабелем оксиметра, надела защитные очки и шагнула прямо на раскачивающийся переходной трап. — Я не уеду без проб из эпицентра! Двенадцать минут — это вечность, если не трястись от страха!

— Сдурела, городская?! — рявкнул он позади, а я уже ступила на трап.

Мы вылетели на центральную платформу садка № 1. Волна била снизу в поплавки, металл визжал на шарнирах. Ветер на открытой воде налетел плотной стеной, выбивая слезы из глаз. Резкий крен на сорок градусов выбил настил из-под моих ног, ледяной гребень окатил колени, и я полетела спиной в буруны над двенадцатиметровым омутом, там, где волна уже сорвала леер!

Крик застрял в горле. Железная рука Глеба намертво обхватила меня поперек талии, рывком впечатав мою спину в его широкую каменную грудь. Сквозь мокрый кашемир пальто меня прошило раскаленным зарядом его тепла и бешеного пульса. Он удержал меня на весу над пропастью, зафиксировав свободной рукой страховочный рым компрессорной будки.

— Держись, бешеная! — прохрипел он над самым моим ухом.

Опершись на колени на мокром настиле, я протерла защитные очки и заглянула сквозь защитную дель прямо в глубину садка.

Там, в ледяной кристальной бирюзе, стоял косяк. Сотни мощных, идеально сложенных рыбин держали строй против дикого напора стремнины. Темно-изумрудные спины, широкие хвосты-лопасти и яркая малиновая полоса по бокам. Рыба шла против струи, почти застыв на месте. Плотное, тугое мясо, налитое силой проточной ледниковой воды, — тот самый редкий сорт, ради которого шеф-повар готов бросить вызов любой стихии.

— Ты видишь?.. — прошептала я, стирая с ресниц пену. — Это же совершенство!

— Это карельская селекция, адаптированная под ледник, — отозвался Глеб с суровым уважением.

Сверху раздался пушечный треск. На береговой скале столетняя сосна рухнула в паводок. Поднятый прибойный вал обрушился на эстакаду: переходной трап скрутило винтом, вырвало из бетона и смыло в стремнину, словно спичку.

Глеб рывком поставил меня на ноги, вжимая в стальной щит компрессора:

— Трап ушел! К берегу ходу нет! Вцепись в трос, Ульяна, сейчас пойдет топляк!

Я крепче вцепилась в стойку компрессора.

Река на глазах меняла цвет: бирюзовая прозрачность сменялась свинцовой мутью, вздыбленной глиной и щепой. Понтон стонал под ударами волн. Металлические поплавки скрипели под настилом, словно суставы гигантского зверя, которого медленно ломают на дыбе.

Я перехватила линь батометра обеими руками, опуская пробоотборник у внешнего угла садка.

— Надо взять пробу придонного слоя! — крикнула я сквозь рев бурунов. — Взвесь забьет жабры рыбе за два часа!

— Брось железку, упрямая! — Самойлов перехватил линь выше моей ладони, пытаясь вырвать его из моих онемевших пальцев. — На створ каньона смотри!

— Это контракт всей моей жизни! — я вцепилась в линь мертвой хваткой, навалившись всем телом. — Я не для того сюда добиралась, чтобы бросить пробу! Без лабораторного акта мне не подтвердят закупку!

Глеб шагнул вплотную, прижал меня могучим корпусом к стальной стойке компрессора, закрывая от летящей в лицо водяной шрапнели, и бросил быстрый взгляд на дисплей оксиметра:

— Восемь и девять десятых миллиграмма! Вода держит кислород! Довольна?! А теперь пригнись!

Из-за скального выступа ущелья вылетела смерть.

Полузатопленный ствол столетнего бука в три обхвата, с вывернутыми черными корнями, похожими на щупальца спрута, несся со скоростью курьерского поезда. Вода гнала его точно в стык между первым и вторым садками.

— Глеб, бревно! — мой голос сорвался на отчаянный крик.

Самойлов сорвал с пожарного щита тяжелый багор с кованым наконечником. Расставив ноги на скользких досках, он встретил махину встречным упором, пытаясь отжать комель от поплавка.

Удар был сокрушительным. Березовое древко багра лопнуло с пушечным грохотом, щепы брызнули во все стороны, а Глеба швырнуло на настил. Я кинулась к нему, хватая за ремни разгрузки:

— Вставай! Глеб, вставай!

— На соседний понтон, бегом! — прохрипел он, вскакивая и толкая меня вперед.

Но ствол бука уже врезался в несущий узел. Тридцатимиллиметровый каленый стальной палец срезало как бритвой со скрежетом сминаемого швеллера. Сосновый настил встал на дыбы. Платформа раскололась надвое, обнажив черную клокочущую пасть реки.

Я прыгнула вперед, отчаянно вцепившись голой ладонью в оцинкованный страховочный трос. Опора ушла из-под ног, я повисла над бездной, обдирая кожу до крови.

Глеб тянулся ко мне через разлом:

— Держись! Я достану!

Анкерная шпилька троса с визгом лопнула под рывком. Двухметровый вал паводка ударил мне в грудь, сбил пальцы со скользкой стали и спиной швырнул в кипящий водоворот между садками.

Я прижала локти к ребрам, пытаясь сохранить последний вдох.

Вода температурой плюс четыре градуса ударила в тело расплавленным свинцом. Ледяной шок сковал грудную клетку железным обручем, выбив дыхание. Мое кашемировое пальто, шерстяные брюки и кожаные сапоги мгновенно налились влагой, стеснив каждое движение. Течение утянуло меня под понтон.

Я заработала ногами, пытаясь выгresti к мерцающему свету, но онемевшие за считанные секунды пальцы не слушались — пуговицы пальто превратились в монолит. Донное течение закрутило меня в воронку под днище садка. Полы намокшей шерсти с глухим рывком намотало на стальную якорную оттяжку у острых донных валунов.

Свет наверху тускнел. Запас воздуха в легких превратился в огонь. Перед глазами заплясали багровые круги, мышцы сковало судорогой. Сознание угасало в ледяной бирюзовой тьме. Сделав последнее слабое движение рукой вверх, в сторону ускользящего света, я провалилась в холодную, безмолвную тишину.

Память обрывалась на ледяном рывке.

Глава 2

Я пыталась вдохнуть, проваливаясь в плотную ледяную тьму. Счет секундам давно потерялся.

И вдруг сквозь этот черный мороз пробился резкий, сокрушительный толчок. Железная хватка сомкнулась на моем предплечье — настолько мощная, что боль обожгла оцепеневшие нервы. Меня рвануло вверх. На секунду движение замерло — пальто тянуло назад, зацепившись за крепление якорного троса. Что-то дернуло полы пальто раз, другой. Ткань подалась. Уже на берегу я узнала: Глеб рассек ее стропорезом.

Капкан разжался. Сильные руки подхватили меня, прижали мой подбородок к твердому, вздымающемуся плечу. Чужое тело, упругое и горячее даже в ледяном потоке, оттолкнулось от донных камней, выстреливая нас сквозь толщу реки к свету.

Вспышка. Рев перекаатов и штормовой ветер ударили по ушам. Воздух хлестнул по лицу, но легкие оставались мертвыми, забитыми ледяной водой. Сквозь свист бурунов я смутно, как сквозь толстый лед, услышала хриплый окрик:

— Конец держи!

Меня подтянули страховочным концом; край настила больно задел бедро, и под спиной оказались сосновые доски. Следом на настил с тяжелым плеском выбросился мой спаситель.

Небо проступало серыми пятнами и гасло. До меня доходили обрывки голосов, стук досок; грудь мучительно сжимало.

— Живи, чертовка! — прорывал надо мной яростный голос.

Треск разрываемой ткани: воротник моей блузки лопнул, одна пуговица стукнула по доскам. Чужие горячие пальцы запрокинули мою голову, зажали нос. Жесткие, обожженные ветром губы впились в мои онемевшие губы, и в мою оцепеневшую грудь с яростной силой хлынул раскаленный, спасительный воздух чужих легких.

Затем на мою грудь опустились тяжелые мозолистые ладони. Они мерно, сокрушительно продавливали ребра:

— Раз, два, три, четыре... Дыши! Ну же!

Боль вонзилась в грудь, выбивая искры из глаз. Его ладони жгли кожу сквозь ледяную воду. Снова сухой, неистовый вдох прямо в мои легкие, вливающий чужую волю к жизни. Меня повернули на бок; щекой я уперлась в мокрые доски:

— Дыши, чертовка! Я держу тебя!

Тело выгнуло в судороге. Огонь распорол горло, я закашлялась, выплевывая горькую речную воду. Я с протяжным, хриплым стоном втянула воздух. Сердце бешено заколотилось в ребра, разгоняя обжигающую волну крови по застывшим жилам.

Я наконец различила лицо над собой.

В сантиметре от меня тяжело дышал Глеб. По его рассеченному виску текла струйка крови, темные пряди липли ко лбу, а в серых глазах горело дикое торжество победителя.

— Живая... — хрипло выдохнул он. Его шершавая ладонь коснулась моей щеки, отогреть онемевшую кожу. — Дыши, я держу тебя. Слышишь? Я держу.

Пальцы мои слабо мазнули по его мокрому предплечью. Я смогла лишь кивнуть и уткнуться лбом в его плечо. От него исходил такой плотный, неукротимый жар, что ледяной ветер ущелья отступил.

На причале перекликались люди; я повернула голову на крик.

Матвей набросил мне на плечи кусок брезента, но меня колотило жестокой дрожью. Зубы стучали, пальцы свело судорогой.

С нижнего пирса раздался тревожный крик молодого рыбоведа Тимура:

— Самойлов! Глеб Николаевич! Кейс столичный смыло! Несет на Чертов порог!

Я вскинулась, мгновенно забыв о слабости. В сотне метров ниже по течению сверкал металлический прямоугольник. Мой саквояж с поварским инструментом!

— Ножи... — сорванным голосом выдохнула я, приподнимаясь на локтях. — Глеб, там ножи мастера Хаттори! Двенадцать клинков ручнойковки... японский дамаск! Я копила на них пять лет, каждую премию откладывала... Без них мне не выйти на финал в Москве! Меня просто размажут столичные снобы! Спасите кейс!

Глеб мгновенно оценил реку. Чемодан застрял на кромке дрейфующей льдины, стремительно приближавшейся к пятиметровому порогу с гранитными клыками. Матвей с носа катера попытался достать его шестом, но острое соскользнуло с гладкого металла, а льдина надломилась.

— Не достать с борта! — крикнул моторист.

— Достану, — отрезал Глеб.

Схватив трехметровый стальной багор, он глянул на внешний швартовный буй — полутораметровую желтую полусферу, плясавшую на цепи посреди кипящего водоворота в трех метрах от мостков.

Самойлов сделал три мощных разбежных шага по скользким доскам и взмыл в воздух над ревущей пустотой.

Я ахнула, прижав онемевшие ладони к губам.

Он встал сапогами на низкую площадку обслуживания у цепи буя. Волна окатила его по колени, но Глеб удержал баланс, зацепившись страховкой за кольцо. Кейс пронесло мимо на быстрой струе. Самойлов прогнулся в пояснице и на максимальном вылете рук вонзил жало багра точно под стальную скобу замка.

Удар едва не сорвал его в пучину. Мышцы на его спине вздулись буграми. Зарывав, он погасил кинетический рывок и начал подтягивать двадцатикилограммовый груз против течения.

— Тимур, конец! — скомандовал Глеб.

С катера метнулся канат с карабином. Щелчок — рукоять багра зафиксирована в жесткой растяжке. Втроем через носовой блок они вырвали кейс из стремнины и перевалили на палубу катера.

Глеб легко перемахнул с буя обратно на понтон. Он забрал помятый кейс и опустился на одно колено прямо передо мной на доски.

Алюминиевая крышка была вдавлена ударом о камень, угол стесан, замок сорван. Дрожащими пальцами я откинула створку.

Я сняла внутренний влагозащитный чехол. Вспененный ложемент под ним сохранился сухим. Все двенадцать авторских клинков Хаттори сияли чистым зеркальным дамаском с тончайшим узором слоевковки. Я по очереди сдвигала защитные чехлы: на каждой кромке свет ложился тонкой чистой полоской.

Я всхлипнула, уткнувшись в крышку спасенного кейса. Я провела пальцем по холодной гравировке стали:

— Целы... Господи, они целы...

Глеб костяшкой пальца стер слезу с моей мокрой щеки. Прикосновение было неожиданно нежным:

— Твое железо в порядке, шеф. Все двенадцать на месте. А теперь я забираю тебя в тепло.

Я захлопнула кейс и прижала его к коленям. Глеб вернул мне вещь, которую я собирала пять лет, — и назвал меня шефом.

Тимур подхватил кейс, а я наконец позволила унести себя с воды.

Глеб легко поднял меня на руки и бережно передал подоспевшему мотористу:

— Матвей, тащи ее наверх в сторожку! Буржуйку растопи, найди сухие вещи! Живо!

Когда его руки разжались, паника обожгла сердце. Я судорожно вцепилась в мокрый рукав его куртки:

— Глеб... не уходи...

Его колючий взгляд потеплел. Он накрыл мои пальцы широкой горячей ладонью и мягко отвел мою руку:

— Я вернусь через десять минут, Уля. Верь мне. Надо закрепить второй садок, иначе рыбе конец. Там маточное стадо. Без него заводь мертва. Иди.

На реке раздался оглушительный визг рвущейся стали. Якорная оттяжка садка № 2 лопнула с пушечным треском. Многотонную линию с племенной форелью развернуло и потащило на береговые скалы.

Матвей подхватил меня на руки и быстро понес вверх по дощатому пандусу в бревенчатую сторожку на сваях. Опустив меня на широкий деревянный топчан, моторист тут же бросился к чугунной печке.

Сквозь залитое дождем стекло я различала Глеба и обрывки настила. На накренившейся платформе его темный силуэт метался под яростными ударами бурунов. Он пригнулся у троса, потянул к себе конец. Дождь смазал силуэт; когда я протерла стекло рукавом, Глеб уже навалился на лом. Сквозь вой ветра донесся металлический звон. Металл со скрежетом стронулся, трос запел струной — и многотонный садок встал намертво, разрезая ревуший вал!

В этот момент на бревенчатой стене сторожки истошно зашипела базовая радиостанция. Сквозь треск помех в комнату ворвался тревожный голос дорожного мастера:

— Самойлов, ответь базе! На третьем километре серпантина сошел оползень! Полторы тысячи тонн скальника перекрыли ущелье! Выезд заблокирован минимум на сорок восемь часов! Техника не пройдет!

В базовой радиостанции прозвучал короткий ответ Глеба:

— Принял. Справляемся своими силами.

В помещении сторожки пахло сухой полыньей, речной тиной и вековым кедром. С потолочных балок свисали сухие пучки горной мяты и чабреца. Дядя Матвей запалил в буржуйке смолистые сосновые поленья: огонь с гулом охватил дрова, выплескивая живое благодатное тепло.

Но меня сотрясал свирепый озноб. Мокрая одежда остывала ледяным панцирем, мышцы сводило судорогой.

Дверь с грохотом распахнулась, впуская клубы морозного пара.

Вошел мокрый до нитки, тяжело дышащий Глеб. Сорвав со стены тяжелый сухой овчинный тулуп нагольного дубления, он в три шага оказался у топчана. Матвей отвернулся к печи, пока Глеб помог мне сменить мокрую одежду на сухую рубаху. Опустившись на колени, он укутал меня с головой в плотную броню пахнущей дымом овчины и прижал к своей груди.

Сухой, плотный жар шерсти и его тела сомкнулся вокруг меня спасительным кольцом. Зубы перестали дрожать.

— Ты в безопасности, Уля, — проговорил Глеб низким, бархатистым басом прямо у моего уха. — Река не взяла, и холод не возьмет. Отогревайся, а я сейчас принесу целебный таежный отвар и снадобье. Согреваться будем понемногу. Я мигом.

Он поправил воротник овчины и вышел в пристройку.

За стенами выл шторм, ревела река Белая, а серпантин был отрезан обвалом на двое суток. Я глубже завернулась в тулуп и позволила себе разжать сведенные пальцы. Я закрыла глаза, слушая гул огня и ожидая его шагов.

В пристройке звякнула посуда. Я ждала его сильнее, чем тепла.

Глава 3

Тяжелые шаги Глеба скрипнули по половицам прихожей, и в комнату вместе с ним снова ворвался морозный пар. Он повесил насквозь промокшую штормовку на крюк у двери и подошел к моему топчану, держа в огромной лапище глиняную кружку. Глеб успел сменить мокрый термолонгслив на сухую рубаху. От кружки поднимался густой травяной пар, пахнущий чабрецом, зверобоем и диким горным медом.

Я попыталась опереться на локоть и взять кружку, чтобы доказать себе и ему, что столичный шеф способна справиться с последствиями ледяной купели. Но мышцы предплечий свело жесткой судорогой. Пальцы задрожали, кружка опасно накренилась, и горячие капли выплеснулись на край тулупа.

— Сама не удержишь — я напою, — негромко, но властно произнес Глеб.

Он опустился на край топчана, придержал кружку снизу и помог мне обхватить ее ледяными пальцами. Его руки были раскаленными, как печные камни. Придерживая доньшко, он поднес край кружки к моим губам:

— Пей мелкими глотками, Уля. До самого дна.

Обжигающий, горьковато-сладкий настой покатился по пищеводу живительным огнем. С каждым глотком по онемевшему телу расходилась первая волна тепла, смывая ледяную муть в висках. Я перевела дыхание, благодарно глядя на мужчину сквозь ресницы.

Но Глеб уже поднялся. Решительным движением он откинул тяжелый край овчины в изножье топчана, обнажая мои синюшно-бледные, неподвижные ступни.

— Самойлов, не надо... — я вспыхнула от смущения, пытаюсь поджать колени и укрыть ноги обратно. — Я сама отойду, у печки...

— Лежи смирно, шеф, — отрезал он, опускаясь на колени прямо на дощатый пол перед моим топчаном. Его пальцы сомкнулись вокруг моей щиколотки железным, но поразительно аккуратным кольцом. — Здесь горная река, Уля. Я за тебя отвечаю. Скажешь, что больно, — сразу остановлюсь.

Я положила затылок на тюфяк и позволила ему согреть мои ступни. От этого доверия к почти чужому человеку мне стало неловко и сладко.

Глеб открыл берестяной туесок с барсучьим жиром, понюхал и отставил его.

— Это после, когда согреешься. Сейчас кожа и так болит.

Он согрел ладони у печи и обхватил мою ледяную стопу через сухое полотенце.

Время от времени он менял остывшее полотенце. По омертвевшей коже ударили тысячи раскаленных иголок. Я закусила губу, чтобы не застонать от острой, возвращающейся боли, и судорожно вжалась затылком в ватный тюфяк. Глеб мгновенно уловил мое напряжение. Он ослабил хватку и укрыл стопу вторым полотенцем, подогретым у печи.

Боль отступила, сменившись пульсирующим, густым жаром. Кровь с глухим шумом пробивала застывшие сосуды, окрашивая кожу в здоровый розовый цвет.

Внезапный шквал ветра с глухим ревом врезался в наружную стену сторожки. На крыше со скрежетом сорвало лист кровельного железа. В трубе возникла обратная тяга, и раскаленная буржуйка с сухим хлопком выбросила в комнату клуб едкого сизого дыма. Раскаленный уголек щелкнул по деревянному настилу пола в сантиметре от овчины.

Я вскрикнула. Глеб укрыл мои ноги, перехватил кочергу и поправил тягу. Сапогом он отодвинул уголек на предтопочный лист, затем вернулся к топчану и снова обхватил мои ступни.

Я смотрела, как он проверяет дверную щеколду и заслонку. Когда сквозняк под дверью стих, отпустило и сжатый у меня живот.

— Крышу сорвет — выстудит за пять минут, да и сваи у воды проверить надо, — глухо бросил он, поправляя полотенце.

Глеб накинуд на плечи просмоленный брезентовый балахон, взял плотницкий топор, включил налобный фонарь и шагнул в бушующую тьму за дверь.

Сквозь маленькое оконце я видела мечущийся луч его света. Под ледяными струями дождя Глеб взобрался на балку эстакады, мощными, точными ударами обуха вогнал две кованые скобы, намертво усмирив гремящую жесь, а затем спустился к бурунам и мерной вешкой замерил подъем паводка у свай.

Когда он вернулся, с него ручьями стекала вода, в охапке у него лежали сухие смолистые ветви горного можжевельника. Он бросил их в топку — и комнату мгновенно заполнил целебный, смолистый дух хвойного бора. Из деревянного сундука Глеб достал толстые носки из грубой козьей шерсти домашней вязки и бережно натянул их на мои горящие ступни, укутав меня овчиной до подбородка.

— Спи, Уля, — произнес он, пододвигая тяжелый табурет к моему изголовью и беря в руки точильный брусок с ножом. — До утра дорогу не расчистят. Пока я рядом — река тебя не достанет.

Я закрыла глаза и провалилась в глубокий, безмятежный сон.

К рассвету ветер ослаб; от причала потянуло дымком.

Утро встретило меня чистым, промытым небом цвета вылинявшего льна и ослепительным солнцем, встававшим из-за заснеженных вершин.

Я проснулась с саднящим горлом и ломотой в ребрах. Озноб прошел, а голод заставил меня приподняться на локте и прислушаться к голосам на причале. Я натянула сухие шерстяные брюки и просторную клетчатую рубаху Глеба, пахнущую кедровой смолой. Закатав рукава, вышла на скрипучее крыльцо.

На причале кипела работа. Мужики перетягивали тросы, проверяли мостки. Старый моторист Матвей Захарович с неизменной трубкой в зубах чистил мелких речных окуней у разделочного верстака тупым тесаком, уныло кряхтя себе под нос.

— Доброе утро, Матвей Захарович! — звонко поздоровалась я, спускаясь по трапу.

Старик смерил мою рубаху насмешливым прищуром:

— Ты б шла в тепло, дочка. Костер речной бабских рук не любит, надымишь только. Мы сами баланду какую сварим, чай не बारे.

— Баланду вы в столовой поедите, Матвей Захарович, — улыбнулась я, подходя к верстаку вплотную и перехватывая инициативу. — А сегодня вы будете есть царскую уху из речного осетра. Отойдите от рыбы.

Матвей поперхнулся табачным дымом и опешил.

В это время молодой рыбовод Тимур поднял большим подсакom из проточного отсадника живого четырехкилограммового сибирского осетра. Рыба яростно билась бронированным хвостом, покрытая костяными жучками и скользкой речной слизью, готовая вырваться обратно в стремнину.

Я распахнула спасенный кейс. Мой любимый японский нож деба мастера Хаттори лег в ладонь как продолжение руки. Короткий, точный удар обуха в теменную часть — рыба замерла. Сухим вафельным полотенцем я в одно движение сняла слизь, сделала надрез у жаберных щелей для схода остаточной крови и одним хирургическим движением рассекла хрящевой хребет, извлекая длинную белую визигу. Через две минуты осетр лежал на доске, распущенный на идеальные янтарные стейки с шелковистой, чистейшей текстурой среза.

Тимур стоял с открытым ртом, а Матвей медленно вынул трубку изо рта, глядя на скорость моих рук с немym почтением.

На центральном понтоне, прямо на толстом стальном листе костровища, весело трещали сухие ольховые поленья. Я поставила тяжелый чугунный казан с питьевой водой из канистр. Но обычных ресторанных специй у меня не было — городской чемодан остался в машине.

Подхватив берестяной туесок, я взбежала по крутой тропе к прогретому утренним солнцем скальному уступу. Здесь, среди прогретого камня, зеленели сочные побеги дикой горной черемши, стелился дикий чабрец и синели плотные ягоды колючего можжевельника. Набрав полную горсть дикоросов, я вернулась к огню.

Первым в казан пошли хребты, хвост и голова осетра. Сорок минут бульон кипел на медленном огне. Я сняла остатки пены, опустила дикие травы, раздавленные можжевельниковые ягоды и луковицу прямо в золотистой шелухе.

Когда бульон был готов, я заложила нежные куски осетрины и дала им довариться, плеснула граненую рюмку домашней можжевельниковой настойки Матвея для аромата и совершила главное священнодействие: выхватила из костра тлеющую ольховую головешку и на пять секунд погрузила шипящие угли прямо в кипящий бульон.

Густой, пьянящий аромат копченой ольхи, хвои и нежнейшей рыбы взорвался над заводью.

Из мастерской вышел Глеб. Он подошел к казану, молча взял расписную деревянную ложку, зачерпнул янтарный навар с кусочком тающей рыбы и отправил в рот, прикрыв глаза.

На мостках повисла абсолютная, звенящая тишина. Мужики замерли.

Самойлов медленно открыл глаза, улыбнулся мне поверх края ложки, обвел взглядом притихшую бригаду и негромко произнес:

— За тридцать четыре года моей жизни на этой реке... я такой ухи не пробовал. Можно в любом ресторане Сочи и Москвы подавать. Ты колдунья, Ульяна.

Мужики радостно загалдели. Я сама разливала дымящуюся уху по глубоким эмалированным мискам, подкладывая свежий хрустящий лаваш, и села на дощатую лавку между Матвеем и Тимуром.

Старый моторист съел три миски, вытер усы рукавом, снял шапку и отвесил мне низкий, поясной поклон:

— Прости старика за дерзость, Ульяна Дмитриевна. Святые у тебя руки, дочка. Такой ухой душу отогрела. Наша ты теперь. Речная.

Глеб подошел сзади, осторожно положил тяжелую ладонь мне на плечо и подушечкой пальца бережно стер пятнышко сажи с моей щеки:

— Пора на мыс, Уля. Настоящий очаг ждет тебя в моем доме.

После завтрака Глеб повел меня к катеру.

Глава 4

Я подхватила туесок с остатками трав. Глеб кивнул на узкую тропу вдоль скального массива: перед отплытием он хотел показать мне дедовский грот.

— Для твоего конкурсного сета в Москве нужна идеальная выдержка, — говорил он на ходу, раздвигая колючие ветви терновника. — Для посола важны температура и тара. Дед мой знал в этом толк.

Тропа уперлась в темную расселину. Вход в старинный скальный грот был наполовину завален оползевым щебнем и упавшим грабом. Массивная дубовая дверь, обитая коваными железными полосами, намертво вмерзла в натекший у порога лед.

Глеб сбросил брезентовую куртку, оставшись в футболке. Играя литыми буграми мышц на широкой спине, он поднял тяжелую пудовую кувалду и обрушил ее на ледяной монолит у порога. Звонкие, оглушительные удары раскалывали лед на куски величиной с арбуз. Затем он вогнал полутораметровый стальной лом под заклинивший засов, а я взяла из его инструментальной сумки баллончик с технической смазкой и обработала ржавые петли.

Глеб навалился на рычаг — и старинная дверь со стоном распахнулась во влажный, ледяной полумрак.

Мы зажгли керосиновый фонарь. Внутри открылся колоссальный природный холодильник. От гранитных стен тянуло холодом — плюс два градуса по висящему у двери термометру.

За дверью обнаружился еще один дедовский запас.

Луч фонаря выхватил из темноты ровные ряды старинных пятидесятилитровых дубовых бочонков, покрытых тонким слоем пыли. Я подошла ближе, смахнула серебристую пыль и провела пальцами по широким клепкам. Древесина была плотной, звонкой и тяжелой — вековой кавказский скальный дуб.

Я прижалась носом к шпунтовому отверстию и замерла от восторга.

— Кизлярский коньяк... — прошептала я, чувствуя, как сердце забилось чаще. — Бочки из-под марочного коньяка тридцатилетней выдержки! Дуб насквозь пропитан ванилью, сухофруктами и дубильными смолами!

— Дед до девяностого года держал в них царский посол для закрытых приемов, — подтвердил Глеб с гордостью. — Древесина дышит. Никакой химии.

Мы осмотрели нутро фонарем: дерево сохранилось сухим, пахло дубом и коньяком. Перед посолом бочки предстояло вымыть и подготовить. Это была находка века. Рыба сухого пряного посола в такой таре станет кулинарной сенсацией на форуме.

— А теперь — пряности, — улыбнулся Глеб.

Прямо над входом в штольню, на трехметровом скальном карнизе, зеленели кустики розмарина и горного чабера.

— Дед посадил, — пояснил Глеб. — Здесь южная стена, от ветра закрывает.

Камни после утренней росы были скользкими, мои ботинки поехали по мху.

Я ухватила за его футболку, когда Глеб подхватил меня под бедра, оторвал от земли и одним легким, мощным движением посадил к себе на плечи.

— Держись коленями за шею, шеф, — скомандовал он снизу, придерживая мои голени горячими ладонями. — Режь верхушки, я держу намертво.

Я обхватила его сильную, напряженную шею бедрами, чувствуя монолитную устойчивость его тела. Достав складной нож, я срезала сочные, маслянистые побеги розмарина, наполняя берестяной туесок драгоценной зеленью. Воздух густо пропах камфорой, смолой и эфирными маслами.

Спустившись к катеру, Глеб забросил на спину две связанные пеньковым канатом дубовые бочки, неся их с такой легкостью, словно это были пустые картонные коробки. На торце одной из них он показал мне выжженное клеймо: якорь и три переплетенные рыбы.

— Дедово личное тавро, — тихо сказал он. — Он всегда учил: держи породу, пока река течет.

Я прикоснулась к шершавому клейму, запоминая рисунок переплетенных рыб. Я перевязала пучки розмарина льняным шпагатом и оставила в туеске, чтобы ветки сохранили аромат.

Дома предстояло подготовить тару к посолу. Я еще раз понюхала срезанные пряности, предвкушая вкус.

Бочки закрепили у носовой переборки, и я подошла к борту.

Катер-водомерт «Стрела» плясал на швартовых у причала. Река после ночного паводка хоть и вошла в русло, но оставалась бешеной. Глеб легко перенес меня на борт, усадил в штурманское кресло и защелкнул широкий поясной ремень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.